

АУИПИК

ОХРАНЯЕТСЯ 01 | 22 ГОСУДАРСТВОМ

ISSN 2312-8321

ИНФОРМАЦИОННО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТЕМА НОМЕРА ГОД НАСЛЕДИЯ

РЕПОРТАЖ ИЗ МИНИНА И ПОЖАРСКОГО

СПАСИТЕЛЬНАЯ РОЛЬ ЧУЖАКА

ТУРГЕНЕВСКИЙ ДУБ ПОПАЛ ПОД САНКЦИИ

ОХРАНЯЕТСЯ ГОСУДАРСТВОМ № 01'2022

- 2** «Начнем с реставрации памятников культуры?»
Президент России Владимир Путин обсудил с министром культуры РФ Ольгой Любимовой приоритеты развития культурной отрасли
- 4** *Константин Михайлов.*
Как пережить Год культурного наследия
- 6** *Евгения Твардовская.*
Монументальная перезагрузка
- 14** *Игорь Стародубцев:*
«Если инвестор знает, что делать с объектом, – это приводит к хорошему результату»
- 20** *Виталий Стадников.*
Инвестиции в идентичность
- 22** *Вадим Разумов.*
Бизнес-проект и личная миссия
- 30** **ТЕМА НОМЕРА: ГОД НАСЛЕДИЯ**
- 32** *Евгения Твардовская.*
Не отдадим дуба!
- 38** *Борис Межуев:*
«Конфликт с наследием хорош глубокий и творческий»
- 46** *Виталий Куренной.*
Роль чужака
- 54** *Мария Турантаева.*
«Традиция – это не сохранение пепла, а раздувание огня»
- 58** *Елена Колчина:*
«Сложное дело – человека мастерим!»
- 66** *Евгения Твардовская.*
Сохранение наследия как объект показа и рассказа
- 72** *Александр Баженов:*
«Общественная критика наших решений – это нормальный рабочий процесс»
- 80** *Ирина Харитоненко.*
Волочаевские дни
- 84** *Олег Фочкин.*
Главный циклист
- 92** Акценты
- 94** Книжная полка
- 96** *Анна Разумеева.*
Школа садово-паркового искусства поможет возродить усадьбу Быково

ЛИЦА НОМЕРА

Александр БАЖЕНОВ
Виталий КУРЕННОЙ
Борис МЕЖУЕВ
Андрей МЯТИЕВ
Андрей НАЙДЕНОВ
Виталий СТАДНИКОВ
Игорь СТАРОДУБЦЕВ
Алексей ШКРАПКИН

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Агентство по управлению и использованию памятников истории и культуры» (ФГБУК АУИПИК) 125375, г. Москва, Дегтярный пер., д. 8, стр. 3. Тел./факс: 8 (499) 705-20-00

Сайт журнала:

<https://auiplik.ru/popularizaciya/protected-state/>

Свидетельство о регистрации СМИ выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Эл. № ФС77-56187 от 15 ноября 2013 г.

ISSN 2312-8321

Издатель – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИК)

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор

Константин Михайлов

Заместитель главного редактора

Евгения Твардовская

Шеф-редактор **Олег Фочкин**

Арт-директор **Илья Шпагин**

Корректор **Надежда Колесникова**

Авторы макета: **Павел Краминов;**

Издательский дом PRСВ Group;

Илья Шпагин

В номере использованы фотографии Ильи Шпагина, Олега Фочкина, а также из открытых источников.

Редакция благодарит за содействие в создании материалов номера: творческий коллектив ФГБУК АУИПИК (А.В. Меньшов, Е.В. Костомарова, Д.Е. Марзаев, Е.С. Ферд, О.В. Щербакоева); Государственный исторический музей

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ольга Андоњева,

советник министра культуры РФ

Андрей Баталов,

заместитель генерального директора

Музеев Московского Кремля

Андрей Волков, ректор НИУ МГСУ

Артем Демидов, председатель

Центрального Совета ВООПИК

Елена Копылова,

ректор Института искусства

реставрации

Михаил Лермонтов,

президент ассоциации

«Лермонтовское наследие»

Алексей Меньшов,

руководитель ФГБУК АУИПИК

Валентина Музычук,

заместитель директора Института

экономики РАН

Феликс Разумовский,

историк, писатель, телеведущий

Роман Рыбало,

директор Департамента госохраны

культурного наследия Минкультуры РФ

Вячеслав Фатин,

президент Союза реставраторов России

Дмитрий Швидковский,

ректор МАРХИ

Николай Шумаков,

президент Союза архитекторов России

Ирина Харитоненко,

руководитель проекта

Управления приоритетных проектов

ФГБУК АУИПИК

Адрес редакции:

119019, Москва, Гагаринский пер., 4/2

Тел.: 8 (495) 695-07-06

© ФГБУК АУИПИК

Все права защищены. Полное или

частичное воспроизведение статей,

материалов и других результатов

интеллектуальной деятельности,

опубликованных в журнале

«Охраняется государством»,

без согласия редакции запрещено.

Категория 12+

Распространяется бесплатно

РОЛЬ ЧУЖАКА

Почему наследие так мало интересует местных жителей?

Виталий Куренной,
директор Института исследований культуры НИУ ВШЭ

«Когда боги умерли и вера, вдохновляющая их почитание, исчезла, тогда храмы, которые им принадлежали, утратили свою достопримечательную красоту и превратились просто в камни и стены. Другой исторический мир мог использовать их лишь как вещь, в которой не обитает больше никакой дух». Этими словами немецкий философ Иоахим Риттер выразил принципиальное отношение к культурно-историческому наследию, характерное для всех без исключения традиционных обществ. Постройки, религиозное или функциональное значение которых утрачено, превращаются здесь в пыль или строительный материал для других построек, в которых поселяются новые боги. Практики сохранения объектов культурного наследия возникают только вместе с приходом современного (модернового) общества. Это тем более парадоксально, что современные общества носят радикально аисторический характер, они возникают путем разрыва с традицией. Этот разрыв может быть отмечен во всех основных сферах жизни: власть имеет не традиционный, основанный на обычае, а рациональный тип легитимации (Макс Вебер), современная наука рождается путем отказа от авторитета Священного писания, права и обязанности больше не связаны с происхождением и принадлежностью к какому-то сословию и т. д. Этот тип общества и называется современным – в силу того, что в нем нельзя быть «вчерашним»: оно сконцентрировано на наших сегодняшних интересах и устремлено в будущее.

И все же только современные общества обладают историческим интересом в привычном нам смысле исторического знания, включающего в себя не только историографию, но и всю совокупность гуманитарных наук, занятых преимущественно именно историческими исследованиями. И только они формируют постоянно расширяющиеся в количественном и качественном отношении практики охраны культурного наследия, что выражается в непрерывном росте числа охраняемых объектов и музеев. Согласно Риттеру, это происходит в силу того, что все эти многообразные формы знания общества о прошлом и заботы о сохранении его реликтов компенсируют

его неисторический характер, предотвращая наше растворение в продуктах техники и технологий, которые безразличны к месту своего происхождения и истории. Произведения «аисторического модерна» можно назвать цивилизацией, а комплементарный им исторический элемент – культурой. Цивилизация, воплощенная в форме канализации, железной дороги или смартфона, безразлична к своему происхождению. Будучи однажды изобретенным, продукт цивилизации затем тиражируется глобально и может быть воспроизведен где угодно. Культура, напротив, завязана на место своего происхождения, история важна для нее, она и есть, собственно, история. Победное шествие цивилизации остановить невозможно, так как она несет с собой комфорт, удобство, избавляет нас от боли и страданий. Однако потребность в сохранении своей идентичности, осознании ее особенности по отношению к иному формирует то самое «историческое чувство», которое неизвестно предшествующим эпохам.

Такова теоретическая рамка, позволяющая нам понять, почему только современные общества создают особые практики охраны культурного наследия. Эти соображения легко подтвердить исторически и статистически. До середины XVIII века мы вообще

Кайтагская вышивка (Дагестан) и ее мастерицы

не видим каких-либо мер по охране памятников. Колизей, который несколько столетий служил удобной городской каменоломней Рима, впервые берется под защиту в это время папой Бенедиктом XIV. Систематическая практика охраны памятников культуры в России также связана по своему происхождению с античным наследием, причем в Крыму. Лишь после того, как поэт Василий Капнист сообщил князю Александру Голицыну о плачевном состоянии множества этих памятников, в 1822 году появилось положение «О сохранении памятников древности в Крыму». В Греции первое всеобъемлющее законодательство по охране национального достояния появляется в 1834 году. Вообще все современные практики сохранения исторического наследия возникают в русле охраны реликтов античной культуры, что соответствует ее роли фундаментального элемента европейской культурной идентичности (Россия здесь не исключение). Затем эта модель распространяется на другие культуры – собственные национальные или ушедшие в прошлое. XIX век является переломным веком формирования «исторического чувства», на котором основывается также и практика охраны памят-

ников, не случайно он называется «веком истории» и эпохой формирования историзма. Он дополняет XVIII «век разума» и «век философов» (основанный исключительно на идее цивилизации и прогресса) исторической и культурной составляющей общества модерна. Равновесие этих элементов обеспечивает устойчивость и сбалансированность существования этой модели общества. Это не означает, что в отдель-

Рост интереса к историческому и культурному наследию следует за процессами модернизации общества

ных странах эта система не может утратить сбалансированное состояние, которое затем придется долго восстанавливать. Когда в России в 1917 году произошла революция, в отношении памятников старины здесь повторилось все то же, что уже было известно по истории Французской революции, когда, например, назначенный Конвентом бургомистр Моне в 1793 году издал приказ о разрушении в течение

Храм Рождества Христова в Крохине, который спасают «чужаки»

трех дней 235 статуй, а знаменитое аббатство Мон-Сен-Мишель, расположенное на острове в Северной Нормандии, было превращено в тюрьму. Однако несмотря на эти эксцессы, с XIX века практика сохранения памятников культурного наследия постоянно расширяется как в количественном отношении, так и с точки зрения своей комплексности, получая необратимое институциональное закрепление в форме, например, пункта 3 44-й статьи Конституции РФ, которая вменяет всем гражданам страны обязанность «заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры» (этот пункт, в свою очередь, наследует 66 статье советской Конституции 1977 года). Рост интереса к историческому и культурному наследию следует за процессами модернизации общества, которые имеют также форму урбанизации. В СССР, например, первый значимый рост количества объектов культурного наследия приходится на начало 1960-х годов, и именно в это время численность городского населения в стране превысила численность сельского. Второй значимый всплеск пришелся на середину 1970-х; наконец, самый заметный при-

рост происходит в 1990-х, что является хорошим поводом поразмышлять о его причинах.

Приведенный выше теоретический и исторический контекст практики охраны памятников культуры хорошо подтверждается на уровне макроисторического обзора и может быть легко проиллюстрирован и дальнейшими сведениями. Однако мы перейдем здесь на иной уровень и зададимся простым вопросом: а каким образом все эти процессы по охране памятников разворачиваются в реальности? Как и когда возникает этот интерес, обусловленный «историческим чувством», кто, какие люди и группы являются его носителем и проводником? И здесь мне придется опереться не на теорию и историю, а на наши многочисленные учебные и исследовательские экспедиции, которые культурологи ВШЭ проводят по всей России в течение уже многих лет. Основной интересующий нас вопрос здесь можно сформулировать так: почему местные жители очень часто не проявляют никакого интереса к своему историческому и культурному наследию?

Приведу один пример. В 2021 году наш Институт исследований культуры провел студенческую экспе-

Белозерск не спешит капитализировать свое историческое наследие. Так выглядит храм Параскевы Пятницы. На странице справа: церковь Спаса Всемилостивого в Белозерске, которую приписывают руке Василия Баженова

дицию в Белозерск. Она проходила совместно с Благотворительным фондом «Крохино», который появился по инициативе Анор Тукаевой, не имеющей к этим местам никакого отношения ни по месту жительства, ни по происхождению. С 2009 года Анор посвящает себя спасению остатков затопленного храма Рождества Христова в Крохине. Несмотря на серьезные сложности, уже сделана часть работ по капитальному укреплению основания церкви от размывания, есть проект музея, ведутся работы по обустройству территории посада Крохино. Сейчас здесь проводится множество волонтерских экспедиций (основной состав – жители крупных городов), собираются всевозможные исторические сведения, связанные с затопленным селом. Одна из целей нашей экспедиции состояла в том, чтобы понять, почему вся эта деятельность почти никак или лишь в совершенно незначительной степени привлекает внимание местных жителей и администрации расположенного неподалеку города Белозерска, а сохранение памяти о посаде Крохино мало заботило переселенцев и их потомков (документальный фильм на материалах интервью с ними «Незатопленные истории Белого озера» также был подготовлен фондом Крохино в 2019 году). Некоторые из полученных нами ответов являются типичными, некоторые – специфическими лишь для данного случая. К специфическим можно отнести то, что история затопления населенных пунктов, включая Крохино, никогда не конструировалась как некоторая «травма», как это видится из современной перспективы и расхожей среди современных историков концептуальной рамки. Напротив, она всегда была погружена в победную историю строительства, в данном случае Волго-Балта, выступала как часть торжествующего нарратива по развитию страны.

Второй местный фактор заключается в том, что история затопления совпадает с началом более длительной и в каком-то отношении намного более

драматичной программы ликвидации «неперспективных деревень». Места расположения их, в отличие от Крохина, уже давно не угадать постороннему человеку. Память об этих канувших в Лету многочисленных поселениях уже никак не восстановить. Редким исключением является, пожалуй, лишь скромный памятник исчезнувшим хуторам в Музее хуторского быта под открытым небом в городе Калаче Воронежской области. Этот контекст превращает историю Крохина для местных жителей в далеко не исключительный случай исчезновения малых поселений Белозерья. Наконец, немаловажная деталь, которую удалось прояснить в интервью с потомками переселенцев из Крохина, состоит в том, что для некоторых семей переселение было связано с заметным улучшением условий жизни – как коммунальных, так и социальных. Расставание с местом своего исторического происхождения компенсировалось цивилизационным комфортом, а потому и не вызывало негативной оценки.

Но есть в этой истории и много типичного. Остатки крохинского храма находятся далеко за пределами Белозерска, он не на виду у местного населения и администрации, которые часто недоумевают, зачем заниматься им, а не каким-то из других разрушающихся памятников в самом Белозерске. К тому же это в самом деле остатки, в которых местный взгляд не видит ничего достопримечательного, в отличие от окружающих городских церквей. Жителя древнего Белозерска трудно удивить стариной, тем более руинированной: в самом городе одних только поставленных на учет объектов культурного наследия более 60. Белозерск, однако, не спешит капитализировать свое историческое наследие, в нем царит меланхолическое запустение, многие объекты полуразрушены. Причина проста – город не лежит на пути основных туристических потоков, как, например, Мышкин, где история куда как скромнее, зато музейной активности и изобретательности не в пример больше. И проблема эта, судя по всему, решена не будет до тех пор, пока не реализуется давно обсуждаемый проект постройки городской пристани, к которой могли бы подходить суда с туристами.

Эта история поучительна тем, что обнажает одну постоянно наблюдаемую нами особенность в локальных инициативах по сохранению культурного наследия. Речь идет о специфической роли, которую выполняет здесь «чужак», «внешний человек». Это может быть либо совсем далекий от этого места человек, как в случае Анор Тукаевой, либо, что также нередко, человек, который долгое время здесь отсутствовал и много чего повидал. В классическом «Экскурсе о чужаке» Георг Зиммель предлагает

следующую формулу, позволяющую отличить обычную дистанцию в отношениях от специфической позиции «чужака»: «Дистанция в отношениях означает, что близкое – далеко, тогда как чуждость означает, что дальнее – близко». Интерес к местной истории очень часто вырастает не из идеализированного и мифологизированного «местного сообщества», но требует этой самой «близости дальнего», то есть присутствия и взгляда чужака, который, согласно Зиммелю, является также носителем «объективного взгляда», недоступного местным жителям. Этому есть множество примеров в области сохранения как материального, так и нематериального культурного наследия. Мы, скорее всего, навсегда утратили бы дымковскую игрушку, если бы на нее не посмотрел взглядом уже московского художника уроженец Вятки Алексей Деньшин. В Каргополе Ульяна Бабкина в конце 1950-х годов была последней старухой, лепившей игрушку из глины. И таковой бы, вероятно, и осталась, если бы с ней не встретился московский писатель и коллекционер Юрий Арбат, который сумел оценить оригинальность ее стиля и привлечь к умирающему промыслу широкое внимание, давшее каргопольской игрушке новую жизнь. Прекрасный современный пример дает нам случай дагестанской кайтагской вышивки. Вышивка, распространенная в Кайтагском

районе, возникла примерно в XVII веке, но во второй половине XX века древнее искусство окончательно утрачивается: смыслы оберега и ритуального предмета были утеряны уже в конце 1980-х годов. Однако случилась удивительная история. Дагестанский чиновник, выходец из Кайтагского района, во время посещения Лондона случайно наткнулся на каталог старой выставки, выпущенный британским коллекционером и исследователем Робертом Ченсинером в 1993 году. Оказалось, что коллекционер, увлекающийся кавказским «драконовым ковром», увидел в одной из публикаций советских искусствоведов орнаментальную фигуру дракона на кайтагских изделиях. Он отправился в Дагестан и собрал коллекцию кайтагской вышивки, организовал ее выставку и выпустил упомянутый каталог. Так взгляд из Лондона помог возродить к настоящему времени этот промысел: сегодня традиционной вышивке в районе уже обучились сотни человек. Технологию воссоздали, расспрашивая пожилых жительниц села, а вот семантику традиционных фигур и орнаментов пришлось вспоминать, прибегая к английскому каталогу.

Отталкиваясь от описанных случаев, попробуем кратко ответить на поставленный нами вопрос. Местные жители, особенно в малых городах, действительно практически безучастны к судьбе

Памятник исчезнувшим хуторам в Калаче Воронежской области

своего исторического наследия. Заметная общественная активность по его сохранению – привилегия крупнейших российских городов, которая убывает по мере уменьшения города. Дело здесь не только в крайне тонком слое местной интеллигенции, которая всегда является ядром такого рода активности. Сам по себе интерес к культуре возникает лишь после того, как приходит в движение цивилизация: это справедливо как на макроисторическом уровне, так и на микроуровне регионов и поселений. Проблема не только в том, что современный человек предпочтет благоустроенный «новодел» вместо памятника деревянного зодчества, жизнь в котором сопряжена с удобствами во дворе. Цивилизация – это еще и определенная динамика, предполагающая изменения и развитие. Если в пространстве и архитектуре ничего не меняется, то любой объект культурного наследия – часть рутинной и часто довольно серой повседневности. Немецкий философ Герман Люббе в своих многочисленных работах по охране культурного наследия и музеефикации обращает внимание на то, что интерес к ним возникает лишь в той мере, в какой имеет место «сокращение настоящего», то есть жизнь и пространство меняются. Эти изменения и порождают компенсаторное желание сохранить прошлое и свою историческую и культурную идентичность, в том числе в форме движения по охране памятников. Так что агрессивный девелопмент, воспринимаемый градозащитниками как главная угроза, является, парадоксальным образом, условием возможности формирования самого градозащитного интереса на местном уровне.

Цивилизация сегодня приходит еще в одной важной ипостаси – в форме туристического потока. Люди путешествуют, чтобы увидеть то, что они не видят в своей повседневной жизни. Турист здесь выступает

Дети на печке.

Каргопольская глиняная игрушка

по отношению к местной культуре как обобщенный «чужак», его интересует именно то, что местным жителям, как правило, кажется частью рутинной обыденности и серой повседневности. Этот момент можно выразить и так: в городе сначала должен открыться «Макдоналдс», куда, как это некогда было в Москве, выстроится огромная очередь горожан, стремящихся приобщиться к экзотике. Но по мере того, как происходит насыщение глобальной цивилизацией общепита, может возникнуть интерес к собственной кухне.

Если в пространстве ничего не меняется, то любой объект культурного наследия – часть рутинной повседневности

И процесс изобретения местной гастрономии многократно усиливает турист, который приехал сюда не ради сетевого ресторана глобальной корпорации.

Важным фактором в сфере интереса к местному культурному наследию и истории был и остается взгляд «чужака». Наши исследования показывают, какие значительные инновации несут для территории полевые научные экспедиции и стационары. Один из описанных эффектов – трансфер сложных технологий, включая, например, появление весьма необычных и сложных форм туризма, которые запускают на территории бывшие научные сотрудники и участники экспедиций. Другой – это как раз квалифицированная работа по артикуляции локальной культурной и исторической идентичности, работа с местной историей и деятельность по ее сохранению.

Обобщая, можно сказать, что интерес к собственной культуре – местной, региональной, национальной – возникает тогда, когда она соприкасается с глобальной цивилизацией. Цивилизация может приходиться в форме «капиталистического» девелопмента, стандартизированной массовой культуры в широком смысле слова (включая, например, гастрономическую), в форме туристического потока, в виде международного признания. Но именно она и запускает массовый интерес к сохранению (а часто – новому изобретению) собственной культурной идентичности, включая заботу об объектах культурного наследия. Без этого фактора такое движение является делом просвещенных одиночек и «чужаков», нередко героически спасающих эти объекты или же добивающихся поддержки у пока что единственно устойчивого субъекта охранной деятельности в нашей стране – государства.